

МИФОЛОГЕМА АДА И РАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. С. Паринова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 апреля 2018 г.

Аннотация: в литературе конца XX — начала XXI веков актуализируются библейские мотивы. В ряде произведений этого периода мифологема «изгнания из рая» трансформируется в мифологему «бегства из рая» (Личутин, Бородин). Актуализация мотивного комплекса ада осуществляется в произведениях лагерной тематики, прежде всего, в изображении Соловецкого лагеря особого назначения. Это место, где сталкиваются «ад» и «рай» (Прилепин, Водолазкин), интерпретируемые как социальные и индивидуально-личностные реальности. В данных произведениях наблюдается изображение духовной раздвоенности человека на рубеже веков, его внутренней борьбы с самим собой.

Ключевые слова: мифологема, ад, рай, современная литература.

Abstract: motives of the Bible become relevant in literature at the turn of 20—21 centuries over again. The mythologem of “exile from paradise” is transformed to a mythologem of “escape from paradise” in a number of literary works of this period (Lichutin, Borodin). The complex of motives of “hell” are in novels about correctional labor camp. First of all, in the portray of the camp of special function — Solovki (Prilepin, Vodolazkin). “Hell” and “paradise” was facing here. They are interpreted as social and personal realities. In these novels is observed the spiritual division of the person at the turn of the century, his internal fight with itself.

Keywords: the mythologem, hell, paradise, modern literature.

Обращение писателей к Библии — явление особенное для русской литературы. Их тесная связь сложилась изначально — еще в древнерусской литературе. Литературовед Т. Н. Козина отмечает: «В дореволюционной прозе библейские мотивы пронизывали художественную ткань многих произведений» [1, 170]. Христианские мотивы играют важную роль в творчестве Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, И. С. Шмелева, Н. С. Лескова и многих других писателей и поэтов как XIX, так и XX века.

Библейские мотивы, сюжеты и образы все чаще встречаются в современной литературе. При этом среди них мифологема «ад-рай» является доминирующей. Не случайно это происходит в период смены столетий, в это особенное — рубежное — время, на стыке не только двух веков, но и тысячелетий, когда человек вольно или невольно обращается внутрь самого себя, к своей собственной сути. Пытаясь спастись от ощущения разлома в мире внешнем, он пытается обрести внутри себя нечто цельное, постоянное и нерушимое. Однако, подчиняясь своей двойственной природе, люди постоянно находятся в борьбе между собственным «раем» и «адам».

В данной статье предпринята попытка рассмотреть современную прозу рубежа веков с точки зрения функционирования в ней мотивных комплексов, связанных с мифологемой «ад-рай». Вместе с тем мы исходим из святоотеческого утверждения о том, что

«и рай, и ад прежде всего психические реальности, психические переживания, субъективные и индивидуальные, и лишь во вторую очередь трансцендентные, объективные реальности этого мира» [2. 189].

Так, в ряде произведений разных десятилетий нашей рубежной эпохи можно отметить один и тот же библейский мотив «бегства из рая». Мы имеем в виду повесть «Ловушка для Адама» (1994) Леонида Бородина и роман «Беглец из рая» (2005) Владимира Личутина.

Оба произведения уже в названии содержат отсылку к библейскому «райскому» сюжету изгнания из рая. Однако примечательно, что в современной литературе мотив изгнания из рая трансформировался в мотив бегства из рая, ставший уже вполне устойчивым, что отразилось, в частности, в названии известной ныне книги Павла Басинского «Лев Толстой. Бегство из рая», написанной через пять лет после романа В. Личутина.

Начиная разговор о своем герое, Л. Бородин оставляет его без имени: он — молодой человек 90-х годов XX века, ведущий типичный для своего времени образ жизни. Его окружают люди и обстановка, соответствующие его эпохе, и он чувствует себя «своим» в криминальной группировке. Однако при определенных обстоятельствах он снова оказывается тем самым Адамом, у которого есть возможность начать все сначала и избежать грехопадения.

Герой бежит от смерти, оставшись один в живых после того, как на них напали неизвестные «черные

тени». Он бежит из города на север, к Озеру, сам того не осознавая: «Смысл моих действий пребывал за или вне» [3, 18]. В этом райском месте, отделенном от власти, денег и убийств, герой по-новому осознает самого себя. Он ощущает себя первым человеком: «Я был один. Я был почти Адам» [3, 21]. Л. Бородин будто возвращает его к истокам, дает шанс все исправить и начать жизнь заново. Писатель не только отправляет современного Адама в идеальные условия, но еще и дает образец — идеальную семью, живущую на этом острове, в которой царят мир, любовь и вера.

Л. Бородин создает в повести, казалось бы, догреховный мир, в который помещает современного ему человека. Он будто задает сам себе вопрос: определяет ли эпоха, общество, социальный и политический уклад человеческую природу, его отношение к добру и злу? Размышляя о свободе и грехе, любви и искушении, рае и аде, писатель дает возможность современному Адаму победить человеческую природу и остаться в «земном раю». Попав в семью людей чистых и праведных, ведя их образ жизни, живя в отдалении от греха и разврата, герой, казалось бы, действительно становится лучше, отдаляясь от прошлого и заново перерождаясь, сливаясь с окружающим его миром. Однако герой нарушает одну из главных христианских истин: «Не возжелай жены ближнего своего». Герой-рассказчик вовсе не собирался покушаться на законы христианства, он всего лишь следовал своим побуждениям и своей человеческой природе, но это нарушило чистую и светлую жизнь хорошей семьи, внесло в неё зло и поставило под угрозу будущее.

Совершив и осознав свой грех, герой бежит из островного рая. В его финальных рассуждениях есть в определённом смысле идея самопожертвования. Оказывается, что Адаму не нужны жизнь и свобода ценой разрушения семьи, ценой «избавления» от христианства. И эта мысль, рожденная в его душе, дает возможность предполагать торжество «рая» в душе нового Адама. Финал повести говорит о победе добра, несмотря на внешнее ощущение разрушения «рая на земле». Герой-рассказчик — современный Адам, совершающий грехи, но готовый покаяться и сохранить в себе веру в Бога, добро и справедливость.

Главный герой романа Владимира Личутина «Беглец из рая» тоже ищет свой идеал жизни, любви, смерти. И в этих поисках он балансирует между городом и деревней, любовью и ненавистью, раем и адом. Многие критики недаром назвали Павла Хромушина «мятущимся интеллигентом», сравнивая его с современным Раскольниковым «без топора под мышкой, но наводящим смерть на окружающих почище любого колдуна из жрецов Вуду» [8, 13]. Он ученый и пишет диссертацию «о логической системе сбоев», и эти размышления сопровождают героя весь роман, это дело его жизни, его диссертация, которая, возможно, так и не будет написана. Сам В. Личутин

сказал в одном из интервью: «Жить в духовной системе без сбоев есть мечтание всякого народа, его идеал» [4, 6].

Название произведения содержит аллюзию к библейскому сюжету изгнания из рая. Роман наполнен размышлениями героя о первородном грехе человека и последующей расплате за него: «Все человечество Господь сердито покарал; все надеялся, что услышит сетования, опомнится народец, а увидев, что все надежды тщетны, махнул рукою и попустил, де, живите, немилосердые, как хотите» [5, 22]. Но понимание Хромушиным данного библейского сюжета несколько отличается от традиционного. По его мнению, во все не соблазненная змием Ева являлась виновницей изгнания из рая, а сам Адам, восплавленный любовью к Еве, поспешил бежать с ней из рая небесного.

С тех пор главным человеческим импульсом становится стремление к своему внутреннему «раю». Однако само это понятие в современном мире настолько изменяет свою суть, что обретает совершенно невообразимые формы. Так для соседа героя, Поликарпа Ивановича, райскими являются воспоминания об утерянном Советском Союзе, а слова «райком» и «рай» для него становятся однокоренными. Это разное понимание, по мнению героя, является результатом внутреннего разлада и неопределенности человека, его двойственной сути, его положения висящего на волоске между раем и адом.

В конце произведения главный герой находит свой рай в простой русской деревушке Жабки: «Вернись назад в рай, сад насажу, яблочки наливные буду кушать» [5, 650]. Мифологема «бегства из рая» трансформируется в мифологему «возвращения блудного сына». Возвращение к своим истокам, осознание человеческой природы, принятие её дают ему волю, гармонию с миром и желание жить, останавливают его душевные метания.

Но нельзя сказать, что в романе «Беглец из рая» В. Личутин идеализирует деревню, только в ней видит спасение человека. Деревня также переживает систему сбоев, молодые мужчины в ней умирают, и кладбище, на которое выходят окна деревенского дома, подчеркивает её гибель. Но Личутин конструирует ситуацию возвращения к истокам, к тому, с чего все начиналось, он снова хочет вернуть своих героев в рай, где только от них будет зависеть дальнейшая судьба человечества.

Такие мысли на рубеже веков волновали умы многих писателей, но у Личутина желание Хромушина покушать «яблочки наливные» звучит словно утверждением мысли о том, что, даже вернувшись к началу начал, человек остается раздвоенным: «Все в мире несет в себе скрытый предательский замысел, являющийся вдруг изнутри, из самой сердцевины любого явления, выгрызающий самые добрые намерения, как яблочный червь» [5, с. 33]. Не случайно последней строчкой романа, нарушающей идиллию,

возможность семейного счастья Павла Петровича, являются слова героя: «Я смотрел на Шуручку, и весь белый свет для меня невольно сошелся на ней клином. И вдруг в сердце проснулась ревность...»

Актуализация мотивного комплекса ада осуществляется в произведениях лагерной тематики, прежде всего, в изображении Соловков периода Соловецкого лагеря особого назначения. Импульсом для актуализации данной темы в современной литературе, без сомнения, стала публикация повести Б. Ширяева «Неугасимая лампада». Это произведение относится к «возвращенной» литературе, так как, написанное в 1954, впервые опубликовано оно было только в 1991 году. «Последний монастырь — первый концлагерь» — именно так говорит об этом месте бывший заключенный Борис Ширяев. Многие его воспоминания трансформируются позже в сюжеты для романов Прилепина «Обитель» (2014) и Водолазкина «Авиатор» (2016).

Произведение во многом автобиографично: писатель был в числе первых узников Соловецкой каторги, прибывших на остров в 1922 году. «Соловки — дивный остров молитвенного созерцания, слияния духа временного, человеческого с Духом вечным, Господним» [6, 10].

Без отвращения и ужаса, но с огромной жалостью и любовью рассказывает Борис Ширяев об этом месте. Воспоминания истории возникновения монастыря, зарождения Соловецкой обители сменяются мрачными картинами Соловков в 1923 году. Однако характерной чертой повествования становится ощущение надежды. Так, зарождение театра, выпуск газеты силами заключенных становятся подтверждением высоты человеческого духа, нашедшего в себе силы существовать даже в невыносимых условиях лагеря. Последние части повести «Сих дней праведники» и «На тропе к Китежу» буквально пропитаны светлыми чувствами веры и надежды. В них описана Рождественская служба, проведенная втайне самими заключенными, объединившая людей разных национальностей и конфессий: «В ту ночь мы были детьми, только детьми, каких Он звал в свое царство Духа, где нет ни эллина, ни иудея...» [6, с. 218]. История «утешительного попа» Никодима, Василия Ивановича, по прозвищу Василек — святая душа, фрейлины трех императриц — показывают нам бесконечную силу духа людей, находящихся в невыносимых жизненных условиях, но при этом сохранивших самих себя, свой собственный «рай» в чистоте и праведности. Ширяев рассказывает о неудачных побегах с острова, подчеркивая тем самым, что убежать от самого себя, из собственного «ада» невозможно, можно только совладать с ним, победить в этой борьбе с самим собой и остаться верным Богу. История военкома Соловецкого Особого полка Петра Сухова, чудом спасенного от гибели владыкой Илларионом,

уверовавшего и обретшего Бога внутри себя, тому подтверждение. Она является заключительным эпизодом четвертой части, утверждая мысль об истинном «рае» внутри каждого из нас.

Смерть последнего Соловецкого схимника должна была бы стать знаком того, что вера покинула остров. Однако именно она позволила состояться, пожалуй, самому величественному и проникновенному эпизоду этой книги воспоминаний: панихиде по Императору на соловецкой «Голгофе». «Стены храма раздвигаются и уходят в безбрежье. Храм — вся Русь, Святая, Неистребимая, Вечная! Здесь, на соловецкой лесной Голгофе — алтарь этого храма» [6, 326]. Глава 30 «Лампада теплится» повествует о студентах, с которыми Ширяев сталкивался во время работы в университете. Утверждение мысли о существовании «рая» в сердцах людей, несмотря ни на какие внешние условия: заключения, войны, тоталитарный режим, — является главным лейтмотивом этой книги.

Особый интерес вызывает актуализация данной темы в прозе современных писателей, не имеющих прямого отношения к «лагерному» прошлому нашей страны. На рубеже XX и XXI веков обращение к нему отмечается в прозе сразу двух крупнейших авторов нашего времени: Захара Прилепина и Евгения Водолазкина.

Описанные события, происходившие на Соловках в реальности, имеют место во многих мемуарах заключенных. Однако именно книга Бориса Ширяева «Неугасимая лампада» явилась источником вдохновения для обоих писателей. «Среди основных текстов, на которых основывались Захар и я, — «Неугасимая лампада» Бориса Ширяева. Это потрясающая книга. Совершенно удивительная. Несмотря на то, что она описывает соловецкие страдания и ужасы, читателя не охватывает чувство безнадежности», — сообщает в интервью Евгений Водолазкин. [7]

Прилепин в своем романе говорит об идее создания на территории лагеря особого мира для преступников. Он должен был помочь каждому из них стать «человеком». Эта тема в романе развивается на фоне жизни одного из заключенных, Артёма Горяинова. Попав на Соловки за отцеубийство, тягчайший из человеческих грехов, герой сам уже обречен смерти. Он рвет все связи с внешним миром, не выходит на встречу с матерью, не рассказывает никому о своем прошлом. Его отношения с Богом складываются весьма непросто, он постоянно размышляет о Нем, однако вряд ли верит в спасение своей души. Напоминает об этом сцена массовой исповеди в камере. На кипящий котел с грешниками похоже в данный момент это место. Наперебой лагерники признаются в тягчайших преступлениях, веруя, что конец близок. Один Артем молча ждал. В какой-то момент, даже отрицая в себе само существование Божьего духа, он соскабливает лик святого на стене в камере.

Личность Артема переживает странные метаморфозы в то время, когда он пытается покинуть территорию лагеря вместе с чекисткой Галиной Кучеренко. В тот момент, отправляясь по реке на самодельном катере, они уже не чекистка и заключенный, они просто мужчина и женщина, Адам и Ева, стремящиеся начать жизнь заново. Сцена во время шторма показывает нам уже другого Артема, стремящегося к свету, наполненного любовью к миру, готовому пожертвовать собой ради жизни другого. В дальнейшем повествовании появляется новый «преображенный» Артем Горяинов, который уже не боится смерти. Лишь оказавшись на пороге смерти, в бескрайнем водном пространстве, в самодельной лодке, лодке Харона, ведущей к смерти, он открывает в себе новую «обитель».

Это герой, в котором постоянно происходит борьба «ада» и «рая». Артём действительно тянется к Богу, к владычке Иоанну, однако внутренние страсти, гордыня, алчность, злость, зависть — всё это не дает ему приблизиться к ощущению внутреннего умиротворения. Оно наступает только в конце повествования, когда герой готов спокойно принять на себя смерть вместо своей бывшей возлюбленной. Он готов это сделать не от большого чувства к этой женщине, а потому, что не боится встречи с Всевышним. Он готов признать все свои грехи и получить расплату за них. Принимает смерть он от рук блатных на берегу водоема, но это упомянуто вскользь, Прилепин не заостряет на этом внимание читателя, потому что это уже не важно.

Многие эпизоды в жизни лагерников Платонова (героя романа Евг. Водолазкина «Авиатор») и Горяинова буквально повторяются. Пьяный Ногтев, издевающийся над арестантами; баланы, доводящие заключенных до смерти или полусмерти; холодный ужас Секирки — все эти эпизоды лагерного ада для героев романов Прилепина и Водолазкина одни и те же. Другое дело, что Захар Прилепин не дает герою выбраться с острова, он остается там до своей гибели. Водолазкин же конструирует ситуацию, в которой герой, уже попросившись со своей жизнью однажды, в камере с жидким азотом, вдруг обретает второй шанс. Однако воспоминания об этом месте не дают герою обрести «нормальную» жизнь. «Я это видел. И с тех пор безуспешно гоню из памяти. Это — то, с чем я живу, что так отличает меня от Насти и делает нас людьми с разных планет. Как же мы сможем жить, бесконечно разные? У неё весенний сад, а у меня такая бездна. Я знаю, как страшна жизнь. А она не знает» [9, 251].

И в «Обители», и в «Авиаторе» писатели изображают преступников, совершивших бытовое преступление: это убийство. Они не политические, не «безвинно страдающие», и это важно. Оба автора выбирают для повествования не Героя, а обычного человека, который пытается выжить в нечело-

веческих условиях. Платонов с ужасом вспоминает то, что происходило в лагере. Описывая это в своем дневнике, он заново переживает все, убеждаясь, в правильном выборе «заморозки». Перед ним снова оживают страшные картины: замерзшие зимой люди, показавшиеся из снегов после оттепели, жёрдочки Секирки, плачущие навзрыд женщины, потерявшие все самое дорогое, в том числе честь и достоинство. Однако, отправляясь на эксперимент, герой и не ожидал, что сможет очнуться через несколько десятков лет. Он принял это решение, решение погибнуть не в мучениях, а в чистой светлой больнице, погибнуть с достоинством, может даже, принеся пользу науке. Поэтому «рай», что дается ему после разморозки: будто ожившая Анастасия, радость отцовства, слава и деньги — не воспринимаются им всерьез. Для него это не более чем сон, в котором он пытается отыскать отголоски своей «реальной» жизни. Для этого он отправляется на кладбище, в старую свою квартиру, посещает сотрудника ОГПУ. Иннокентий пытается восстановить события утраченных лет, протянуть ниточки из века прошлого в век нынешний.

Авторы романов «Авиатор» и «Обитель» стремятся взглянуть на столетнюю историю через призму одного из ужаснейших событий в истории человечества, одного из страшнейших мест на планете. Месте, где становится не важно, кто прав, а кто виноват. И если Прилепин показывает нам, что жизнь даже в таких условиях возможна, то Водолазкин отрицает это. Для него смерть — единственный выход из тупика, а возможное спасение — лишь иллюзия жизни.

Герой романа «Авиатор», Иннокентий Платонов, безуспешно пытается построить свой «рай» — новую жизнь с любимой женщиной в тёплом и мирном XXI веке. Однако ужасы предыдущего столетия настигают, они часть его. И это есть его «ад», который преследует и, в конце концов, накрывает с головой. Находясь в самолете, который возможно вот-вот разобьется, герой осознает свою виновность в преступлении, за которое поплатился Соловками. Он не раскаивается, он ждёт смерти, так и не сумев обрести внутри себя «новую» жизнь. Водолазкин конструирует возможность человека очиститься, освободиться от своих грехов и даже от воспоминаний о них. От себя не убежишь, не поможет ни заморозка, ни реинкарнация. Именно эта мысль торжествует в конце романа. Ты тот, кто ты есть, и твоё сердце навсегда останется полем битвы «ада» и «рая».

Таким образом, мифологема ад-рай по-разному реализуется в современной литературе. В повести Л. Бородина это происходит на сюжетном уровне: писатель моделирует реальность рая на земле с характерными приметами: праведные люди, живущие по Божьим заповедям и в гармонии с приро-

дой. При этом реальность ада воссоздается двояко: им является социальная реальность девяностых годов XX века и внутренний ад — мучения матери, наблюдающей за прегрешениями сына. У В. Личутина на рай претендуют две модели реальности. С одной стороны, рай — метафора административной системы советского времени, общественной верхушки, к которой принадлежал главный герой. Писатель отражает общественное сознание эпохи, когда райской казалась жизнь советской и партийной номенклатуры. Герой, напротив, убегает из такого «рая» и строит модель своего собственного — деревенского — рая. Само заглавие романа З. Прилепина несет ассоциацию с «райской обителью», приметы которой содержит монастырь по самому своему статусу. Но «обитель дальняя трудов и чистых нег» (А Пушкин) преобразуется в лагерный «ад» с грешниками (здесь нет невинно страдающих), для которых нет спасения.

Каждый из современных авторов по — своему взглянул на вечную проблему столкновения «рая» и «ада» внутри человека и за его пределами, выстроил индивидуально-личностное понимание данных религиозных и общекультурных категорий, оставаясь при этом в рамках их традиционного понимания.

Воронежский государственный университет

Паринова А. С., аспирант кафедры русской литературы XX—XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: *anna.parinova.90@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Козина Т. Н. Библейские мотивы в русской прозе 1960-х — 1980-х годов / Т. Н. Козина // Известия Пензенского государственного педагогического ун-та им. В. Г. Беллинского. Гуманитарные науки. — 2011. — № 23. — С. 169—174.
2. Преподобный Иустин (Попович). Философские пропасти — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. — 288 с.
3. Бородин Л. И. Ловушка для Адама / Л. И. Бородин // Юность. — 1994. — № 9. — С. 4—53.
4. Кожемяко В. Душа Соборная / В. Кожемяко // Советская Россия — 2002—4 янв. — С. 6.
5. Личутин В. В. Беглец из рая: Роман / В. В. Личутин. — М.: ИТРК, 2005. — 656 с.
6. Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада / Б. Н. Ширяев. — М.: Никея, 2014. — 384 с.
7. Михаил Визель. Авиатор Водолазкин. Интервью. — ГодЛитературы.РФ [Электронный ресурс]: <https://godliterature.ru/public-post/aviator-vodolazkin-intervyu> (14.12.2017)
8. Прилепин Захар. Обитель: роман / Захар Прилепин. — Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. — 746, [6] с.
9. Водолазкин Евгений. Авиатор: роман / Евгений Водолазкин. — Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. — 410, [6] с.

Voronezh state University

Parinova A. S., Postgraduate of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department
E-mail: *anna.parinova.90@mail.ru*